

Бельцкий драматический театр в свое время отличался разумно подобранным репертуаром, в котором основное место занимали пьесы русских классиков и наиболее значительные в идейном и художественном отношениях произведения советских драматургов. Артистический коллектив работал над такими произведениями с творческим вдохновением. Не все в равной степени удавалось театру. Были подтемы и срывы. Но одно несомненно — театр характеризовался спектаклями такого плана, как «Последние» М. Горького, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Огненный мост» Б. Ромашова, «Макар Дубрава» А. Корнейчука, «Глубокая разведка» А. Крона, «Овод» (по роману Э. Вайль), «Ганги» У. Дюбуа. Спектакли эти по достоинству оценены зрителем Бельца, Кишинева и других городов и районных центров республики.

К сожалению, театр не удержался на избранном им правильном пути, который вел его к творческой зрелости. В его репертуарной линии вдруг обнаружился сильный крен в сторону от социально значительных тем к темам узкобытовым, «семейным», увлечение мелодрамой. Общественность заметила этот спад в творческой жизни театра. Во время летних гастролей в Кишиневе и в Одессе печать указывала театру на эти его серьезные недостатки. Надо было ожидать, что он более осомлительно будет включать в свой репертуар новые произведения, вернется к жизненно важным темам современности.

В отличие от прошлых лет, когда театр привлекал в Кишинев лишь на летние гастролы, его афиша неожиданно появилась в столице республики в самый разгар текущего зимнего сезона. Что ж, это похвально: время от времени показывать свои спектакли кишиневскому зрителю. Похвально вдвойне, если спектакли эти являются этапыми в творческой биографии театра, свиде-

тельствуют о его беспомощных попытках, его стремлениях полнее и ярче отразить жизнь, ответить эстетическим требованиям и вкусам зрителя.

Но уже афиши настораживали. Театр, который никогда не ставил водевилей, почему-то решил попробовать свои силы в комедийном обозрении «Ах, сердце!» и именно с этим спектаклем приехать в Кишинев.

Обращение театра к комедии — явление закономерное. Советский зритель любит веселую, умную комедию, которая основывается не только на смехе, но и на развитии и раскрытии характеров, служит высоким целям нравственного воспитания людей. Назначение советской комедии, — будь то сатира, водевиль, обозрение или шутка, — правдивое отображение общественно значительных явлений, художественно полнокроящая обрисовка характеров, разоблачение и осмеяние всего, что мешает строительству коммунистического общества.

Комедия-обозрение В. Полякова «Ах, сердце!» не ставит какой-то определенной жизненной проблемы. В ней собраны многие случаи, пусть даже комедийные и нуждающиеся в осмеянии, но все же случаи, которые сменяются налейдоскопически, нередко не содержат настоящей сатирической остроты и даже не имеют конкретного адреса, случившегося в единичном сюжете, идейным и художественным замыслом. Многие в обозрении ищут от простого погоня за смешными ситуациями. Пьеса эта написана специально для эстрадного театра; более того, конкретно — для Ленинградского театра, руководимого А. Райкиным. Драматург, естественно, учитывал не только особенности избранного им жанра, но и специфику театра, и художественный почерк его артистов. И вот, как свидетельствует об этом опыт бельцких артистов, то, что приемлемо и удобно для театра эстрады, то трудно поддается теат-

ру драмы. Опыт бельчан учит тому, что нельзя механически переносить в театр драмы приемы игры эстрадных артистов.

Держать в искусстве — значит не только поступать смело, новаторски, но и с реальным учетом сил, возможностей, особенностей отдельных видов и жанров искусства. Художники всегда и во всем должны сопутствовать остроте видения жизни, умения средствами своего искусства правдиво рисовать эту жизнь. Ему никогда не должно изменять чувство художественной меры. И тут уместно вспомнить мудрый совет К. С. Станиславского, который решительно выступал против насилования творческой индивидуальности артиста, в чем он видел режиссерский формализм. Когда актер делает все лишь по прихоти и указке режиссера, это уводит его от сознательных логических действий. «Вместо того, чтобы творить самим, — говорил Станиславский, — обращаясь к актерам, — вы начинаете подражать чужому творчеству, начинаете копировать, т. е. вас заставили все время копировать чужую жизнь, жить чужими мыслями...». А ведь такое бездумное подражание и уводит искусство от правды образа, от правды жизни.

Драматический актер — художник особого склада, явно отличного от актера эстрады. Игнорирование специфических особенностей драмы и эстрады мстит искусству актера.

Автор этих строк стоит за широкий диапазон в творчестве артиста, за богатую палитру его красок, за умение с равным блеском играть трагедию, драму и комедию, в том числе водевиль и комедийное обозрение. На жанрово и тематическом разнообразии репертуара надо воспитывать артиста, поднимать искусство театра. Но нельзя ярко выраженному драматическому театру слепо копировать приемы работы театра эстрады. Именно такое копирование и не позволило Бельцкому те-

атру поставить обозрение так, чтобы это был спектакль по-настоящему острый, смешной, «легкий», чтобы актеры в нем чувствовали себя свободно, а не поставленными на ходули.

Как известно, специфичность искусства эстрадного театра характеризуется трансформацией, то есть способностью артиста быстро изменять свою внешность. Но дело не только во внешности, а и во внутренней сущности образа. На трансформации чаще всего основывается искусство водевильного актера, который должен играть в одном спектакле несколько разнотипных ролей. Искусством трансформации не владеют артисты Бельцкого театра. Поэтому, когда их заставляли делать то, в чем они не чувствуют себя уверенными, получалось наивно, искусственно.

Манерничанье, наигрыш, нарочитое комикование и окантинирование персонажей, к чему прибегают режиссер и артисты театра, никогда не делала и не делают в данном случае комедию правдивым произведением. В спектакле «Ах, сердце!» это усугубляется еще и тем, что рядом с реальным в нем «живет» фантастическое, общие оценочные условия должны подменяться такими сценами, как «у входа в сердце», «ломбард, принимающий у людей перемены» и т. д.

В спектакле Бельцкого театра каждый артист играет две-три и даже четыре разнородные роли, иногда играет их попеременно: то выступает в первой, то во второй, а затем вновь возвращается к первой и т. д. Большой дар — искусство перевоплощения. Но когда неуклюжего актера в течение вечера заставляют перевоплощаться несколько раз, это уже не искусство, а ремесленничество. Положение актера затрудняется еще и тем, что он должен перевоплощаться в образы утирированные, нелепые, вроде директора некоего учреждения, который носит сердце в портфеле и преобразуется тотчас же, как сердце возвращают на положенное место, или дворника, заведующего сердцем и ведущего телефонные переговоры то с «организмом», то с «мозгом» одного субъекта.

Вот почему многим актерам Бельцкого театра не хватило выдумки и сил на раскрытие нескольких эпизодических ролей, не хватило сочных комедийных красок. Это — результат и схематичности образов пьесы, и неумелое владение искусством трансформации.

Отдельным актерам театра удалось создать более или менее запоминающиеся комедийные образы. Мы имеем в виду, прежде всего, артистов А. Богачева (отдыхающий Чучин), В. Головаченко (архитектор Изюмкин), А. Бари (режиссер киностудии), С. Скульбердину (Варя), Я. Красникова (хулиган). Но эти же актеры оказались беспомощными в других ролях. М. Акутина, исполнительница одной из главных ролей — ассистентки Лены, в общем создала обаятельный облик лирической героини. Тем же качеством должен обладать и врач Быстров. Артист А. Милевант, исполнитель роли Быстрова, не сумел нарисовать портрет человека, в которого не случайно влюбляется Лена. Быстров — Милевант, — человек неопределенного характера, фигура, тяжеловатая для комедии. То он неуклюж и флегматичен, то вдруг неестественно подвижен, то зрел мыслю и опытно, то по-детски недогода и наивен.

Как постановщик спектакля А. Милевант не сумел создать яркого комедийного представления. В спектакле не чувствуется принужденности, комедийной легкости. Он очень замедлен по темпу.

Артисты Бельцкого театра хорошо себя зарекомендовали рядом спектаклей драматического репертуара. Нет сомнения в том, что способный и дружный театральный коллектив сумеет порадовать зрителей новыми интересными спектаклями. Но ему нельзя сбавлять со стоиловой дороги развития драматического искусства, следует проявить больше принципиальности и требовательности в отборе пьес, больше заботы о своем творческом росте.

К. КОРОЛЕВ.